

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-9

Селиванова Евгения Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент, заведующая кафедрой гражданского
права, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: esselivanova@sfedu.ru

Selivanova, Evgenia S.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str.,
Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: esselivanova@sfedu.ru

Саркисян Вероника Варгановна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: veronika.sarkisian@yandex.ru

Sarkisian, Veronika V.,
PhD in Law,
Associate Professor
at the Department of Civil Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str.,
Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: veronika.sarkisian@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ СИСТЕМАМИ ИИ: ОСНОВАНИЯ, МЕХАНИЗМЫ И КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ*

LEGAL MODELS OF LIABILITY FOR HARM CAUSED BY AI SYSTEMS: FOUNDATIONS, MECHANISMS, AND FORMATION CRITERIA**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена комплексному анализу гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта (ИИ) в контексте действующего российского законодательства. Особое внимание уделяется специфике ИИ – автономности, способности к самообучению, вероят-

ABSTRACT. This article provides a comprehensive analysis of civil liability for harm caused by artificial intelligence (AI) systems within the framework of current Russian legislation. Particular attention is given to the specific characteristics of AI – autonomy, self-learning capabilities, the probabilistic nature of decision-making, and complex architecture – and

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».

** The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00225 “Legal regulation of the safe use of artificial intelligence technologies: conceptual models for ensuring safety, risk prevention and responsibility”, carried out at the Southern Federal University.

ностному характеру принимаемых решений и сложной архитектуре – и их влиянию на определение и распределение ответственности между разработчиком, оператором, пользователем и иными субъектами. Рассматриваются различные модели ответственности, включая строгую, виновную и дифференцированную, а также правовая конструкция источника повышенной опасности и коллективные механизмы распределения рисков, такие как саморегулируемые организации (СРО) и обязательное страхование гражданской ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, источники повышенной опасности, риск-ориентированное регулирование, страхование гражданской ответственности, саморегулируемые организации

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Селиванова, Е. С. Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования / Е. С. Селиванова, В. В. Саркисян. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 68–77. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-9

Действующее российское гражданское законодательство не содержит специальных норм о возмещении вреда, причиненного использованием искусственного интеллекта (ИИ), поэтому применяются общие положения ГК РФ о гражданско-правовой ответственности. В качестве ориентира используется принцип, закрепленный в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024 [14]), предусматривающий возложение ответственности за последствия работы систем ИИ на физическое или юридическое лицо, признанное субъектом ответственности. Практическое применение этих норм осложняется техническими особенностями ИИ, имеющими юридическое значение.

Определение ИИ содержится в Указе Президента РФ № 490 и ст. 2 ФЗ от 24.04.2020 № 123 [14; 17], согласно которым ИИ представляет собой комплекс технологических решений, имитирующих когнитивные функции человека и обеспечивающих получение результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека. Комплекс включает инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе с использованием машинного обучения), а также процессы и сервисы обработки данных. Как отмечает И. А. Филиппова, использование тер-

their impact on the determination and allocation of liability among developers, operators, users, and other relevant parties. The study examines various liability models, including strict, fault-based, and differentiated approaches, as well as the legal construct of sources of heightened danger and collective risk-allocation mechanisms, such as self-regulatory organizations (SROs) and mandatory civil liability insurance.

KEYWORDS: artificial intelligence, civil liability, sources of heightened risk, risk-oriented regulation, civil liability insurance, self-regulatory organizations

FOR CITATION:

*Selivanova, E. S., Sarkisian, V. V. (2025) Legal Models of Liability for Harm Caused by AI Systems: Foundations, Mechanisms, and Formation Criteria. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(3): 68–77 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-3-9*

мина «программно-аппаратный комплекс» отражает сложившийся в отечественной теории подход и по сути соответствует категории «система искусственного интеллекта» [19, с. 17–18].

Специфика ИИ дополнительно раскрыта в ГОСТ Р 529277-2020 [2], в рамках которого система ИИ определяется как «техническая система, в которой используются технологии искусственного интеллекта», и классифицируется по автономности, архитектуре, методу обучения, сфере применения, уровню риска и т. д. В научной литературе отмечается, что функциональный подход к определению ИИ наиболее релевантен для юридических исследований, однако не исключает учета архитектурных особенностей технологий, влияющих на правовую проблематику [1, с. 886].

Таким образом, нормативные акты трактуют ИИ как систему, интегрируемую в объекты гражданских прав, сопоставимую с результатами интеллектуальной деятельности (программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, ноу-хау). Ключевые признаки – автономность, самообучаемость и адаптивность – требуют переосмысления классических механизмов гражданско-правовой ответственности. Сложная архитектура систем ИИ, включая структуру и взаимодействие слоев нейронных сетей,

должна учитываться при разработке правового регулирования ИИ, поскольку она влияет на прозрачность, предсказуемость и уровень риска системы. Системы ИИ включают модели ИИ (например, нейросетевые модели или классические ML-модели), интерфейсы, инфраструктуру. Е. Н. Мельникова обращает внимание на тот факт, что «архитектура модели на стадии рабочего применения имеет динамический характер и может изменяться в ходе обучения, которое происходит как с участием («контролируемое обучение»), так и без участия человека («неконтролируемое обучение»). Такие динамические свойства программной архитектуры предполагают возможность изменения свойств модели в процессе ее жизненного цикла» [8]. Автор отмечает вероятностный характер работы с имманентно присущими ИИ ошибками, в которых никто не виноват, а также на то, что поскольку существует вероятность выдачи ошибки в пределах заданной погрешности модели ИИ, невозможно установить причинно-следственную связь между вредом и действиями лица, использующего систему ИИ и приложение ИИ [8].

Эти особенности напрямую обуславливают правовую природу ИИ: системы ИИ рассматриваются как объект регулирования, а не субъект права. Они представляют собой инструменты для решения функциональных задач и отличаются различным уровнем автономности – от нулевой до полной. Процесс принятия решений ИИ автоматизирован, зависит от множества факторов, непредсказуем и непрозрачен. Ошибки систем, их сложная архитектура и автоматизированный характер работы затрудняют установление причин сбоев и определение виновного лица. В отличие от человека, ИИ не обладает сознанием, волей или способностью ставить цели; его социально значимый смысл проявляется только через использование конкретными участниками гражданского оборота.

С учетом этих особенностей в юридической доктрине сформированы различные конкурирующие подходы к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ: строгая, объективная и смешанная ответственность, договорная и внедоговорная, а также солидарная и субсидиарная модели для много-субъектных правоотношений. Обсуждается и возможность наделения ИИ правосубъектно-

стью. Ключевыми критериями выбора модели регулирования являются основание ответственности, типизация систем ИИ (по уровню риска причинения вреда, сфере применения, автономности, прозрачности и предсказуемости алгоритмов, архитектуре и другие), а также определение субъекта, на которого возлагается бремя ответственности. Использование множества критериев обусловлено необходимостью формирования сбалансированного правового подхода, который обеспечивает справедливое распределение вреда и рисков между участниками создания и эксплуатации ИИ, защиту частных и публичных интересов, а также сохранение экономических стимулов для IT-компаний к дальнейшим исследованиям и внедрению технологий.

Одним из центральных критериев является основание ответственности. Так, в рамках модели «форс-мажора» девиантное поведение ИИ может квалифицироваться как обстоятельство непреодолимой силы при соблюдении критериев ст. 401 ГК РФ (объективность, чрезвычайность, непреодолимость и непредотвратимость [11]), освобождая должника от ответственности, если событие выходит за пределы разумного контроля и не связано с обычным предпринимательским риском [4, с. 704-705]. Однако применение этой конструкции требует строгой оценки предсказуемости алгоритмического поведения: освобождение возможно лишь при доказанности того, что вред вызван «аномальным» событием, а не ошибками разработки или эксплуатации.

Особенность технологий ИИ заключается в вероятностной природе их функционирования: элемент непредсказуемости присущ самой системе. В этой связи правовая оценка должна учитывать соотношение степени автономности решений и уровня прогнозируемости поведения. Чем выше автономность, тем больше неопределенность и вероятность вреда. В таком контексте предсказуемость алгоритмов может использоваться как критерий для признания ИИ источником повышенной опасности по аналогии со ст. 1079 ГК РФ, что предполагает ответственность владельца или оператора независимо от вины.

С практической точки зрения допустимый уровень непредсказуемости определяется через тестирование и стресс-проверки моделей.

Так называемые галлюцинации генеративных систем (создание правдоподобных, но недостоверных ответов) следует относить не к форс-мажору, а к предпринимательскому риску, если они выявляемы и статистически предсказуемы. Только при выходе за пределы допустимой вероятности может ставиться вопрос о признании их «аномальным событием», что открывает возможность исключения ответственности.

Противоположное направление представляют концепции объективной (строгой) ответственности. Так, модель строгой ответственности разработчика по аналогии с владельцами источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) закрепляет безвиновную ответственность при создании и внедрении высокоавтоматизированных систем. При исключении внешних факторов риска (вмешательство третьих лиц, нарушение инструкций пользователем и др.) ответственность за ущерб ложится на лицо, создавшее и выведшее систему в оборот, поскольку опасность «исходит» из самой технологии. В отечественной науке эта концепция получила наибольшее распространение [7, с. 91], опираясь на формальное сходство свойств ИИ и источника повышенной опасности, прежде всего на невозможность полного контроля над системой со стороны человека [9].

В качестве специального состава деликта к исследуемым правоотношениям предлагается применять положения об источнике повышенной опасности, владелец которого несет ответственность за вред, причиненный таким объектом третьим лицам независимо от вины (ст. 1079 ГК РФ), а также положения ГК РФ о порядке возмещения вреда вследствие недостатка товара (ст. 1095 ГК РФ). Положения ст. 1095 ГК РФ могут применяться только в случае приобретения ИИ в потребительских целях. Между тем, большая часть систем ИИ разрабатывается для применения в коммерческих либо иных, не связанных с личным потреблением целях.

В п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 26.01.2010 № 1 [12] определено, в частности, что «по смыслу статьи 1079 ГК РФ, источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека». Данное толкование, вос-

принятое судебной практикой, подтверждает, что перечень источников повышенной опасности, закрепленный в законе, не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию с учетом объективных характеристик деятельности и вовлекаемых в нее объектов. Тем самым основополагающим признаком источника повышенной опасности выступает именно неподконтрольность человеку соответствующей деятельности, что и предопределяет ее особый деликтный режим.

Очевидно, что масштаб вреда, который может быть причинен системами ИИ в здравоохранении, энергетике, транспорте, государственном управлении и др. высокорисковых областях человеческой деятельности, колоссальный. Также в силу технологических особенностей ИИ: сложной архитектуры, наличия неустранимых уязвимостей систем ИИ (например, галлюцинации ИИ), – над ними невозможно установить полный человеческий контроль. Следует поддержать позицию ученых, кто предлагает рассматривать деятельность, связанную с использованием ИИ, как источник повышенной опасности. Между тем, в литературе предлагается выделить как минимум два вида ИИ: 1) объекты, имеющие признаки источника повышенной опасности; 2) объекты, не имеющие таких признаков [8, с. 88]. В зависимости от принадлежности предлагается применять разные режимы ответственности: виновной или строгой (безвиновной) ответственности.

Особое значение приобретают промежуточные конструкции, объединяющие элементы строгой и виновной ответственности. В основе лежит концепция дифференцированных правовых режимов, предполагающая нормативное закрепление категорий ИИ с установлением для каждой особого «режима ответственности». Это обеспечивает методологическую основу риск-ориентированной модели [6], где меры правового воздействия коррелируют с уровнем риска и потенциального вреда. Для «запрещенных систем» доминирует применение уголовно- и административно-правовых мер, смещая регулирование в сторону публично-правовых репрессивных механизмов. Высокорисковые системы подпадают под гражданско-правовую ответственность с пассивной множественностью субъектов: оператор и разработчик несут

перед потерпевшим солидарную или субсидиарную ответственность (ст. 322, 399 ГК РФ), а регрессные требования определяются фактическим нарушением стандартов при создании или эксплуатации системы. Правовой институт «презумпции соответствия» смягчает ответственность разработчика: при документально подтвержденном соблюдении процедур сертификации и контроля бремя скрытых дефектов перераспределяется в пользу оператора.

Системы повышенного контроля предполагают превентивный режим, включающий презумпцию должной осмотрительности оператора и обязанность предоставления полной информации пользователям; ответственность здесь коррелирует с классическими деликтными конструкциями (ст. 1064 ГК РФ). Низкорисковые и вспомогательные системы подпадают под общие положения договорного и деликтного права без специализированных режимов.

Касательно фундаментальных и универсальных моделей ИИ, выделяемых в особую категорию, предлагается двухуровневая (дуалистическая) модель ответственности. Провайдер несет ответственность за базовую модель, включая предрелизную верификацию, стресс-тестирование и раскрытие ограничений функционала. Оператор отвечает за адаптацию и внедрение модели в конкретный контекст, оценивая соответствие задачам и применяя меры по снижению рисков. Таким образом, ответственность провайдера наступает за дефекты базовой модели, а оператора – за вред, причиненный вследствие неправильной настройки, недостаточных мер предосторожности или ненадлежащей эксплуатации.

Это разграничение логично соотносить с классификацией ИИ по уровню автономности и способу воздействия на окружающий мир, что позволяет определить соответствующий правовой режим в зависимости от потенциального риска. Автономные физические системы ИИ (роботы, беспилотные транспортные средства, дроны) способны причинять прямой вред жизни, здоровью и имуществу и по своей природе сближаются с источниками повышенной опасности, подпадая под ст. 1079 ГК РФ о безвиновной ответственности владельца. Этот режим стимулирует обеспечение высокой безопасности, оправдывает сертификацию, технический контроль и обязательное страхование

гражданской ответственности по аналогии с ОСАГО. В отличие от них, алгоритмические системы, влияющие на решения человека (рекомендательные, диагностические или генеративные), могут причинять лишь косвенный ущерб. Для таких систем целесообразна презумпция вины разработчика или оператора за нарушение обязанностей по обеспечению осмотрительности [20; 21] (ст. 1064 ГК РФ).

Следующим критерием систематизации моделей ответственности в сфере ИИ выступает определение субъекта, на которого возлагается бремя ее несения. Индивидуальный подход предполагает рассмотрение моделей, акцентирующих персональную ответственность разработчика, оператора или иных субъектов в зависимости от их статуса и конкретной функциональной роли в процессах создания, внедрения, функционирования и распространения соответствующей системы ИИ.

Разработчик отвечает за корректность исходного алгоритма и функционирование системы, однако прямое причинение вреда часто трудно доказать из-за способности ИИ к самообучению, внешнего воздействия и роли пользователя в формулировании запросов. Деликтная ответственность возможна при наличии прямой причинно-следственной связи между исходным алгоритмом и результатом, повлекшим вред, особенно если разработчик не обладает исключительными правами на ИИ. Договорная ответственность возникает при создании ИИ по заказу или распоряжении исключительным правом посредством передачи или предоставления право использования (ст. 307–419, 420–453, 1233 ГК РФ) и включает обязательства по тестированию, верификации и обеспечению безопасного функционирования системы.

Оператор ИИ обеспечивает управление, мониторинг и техническое сопровождение, отвечает за безопасное использование, выявление ошибок и соблюдение стандартов, включая защиту персональных данных. Его ответственность может носить как деликтный, так и договорный характер, при этом ключевым остается соблюдение мер заботливости и осмотрительности при работе с автономными и самообучающимися системами.

Не менее важным вопросом является характер распределения ответственности. Возмож-

ны солидарные конструкции, где оператор и разработчик несут равное бремя ответственности с правом регресса (ст. 322 ГК РФ); долевые механизмы, распределяющие ответственность пропорционально участию субъектов (ст. 321 ГК РФ); и субсидиарная модель, где основным должником является оператор (ст. 399 ГК РФ). Применение этих моделей усложняется спецификой технологий: современные программы, включая ИИ, создаются на основе библиотек, фреймворков и модулей, что затрудняет установление границ участия конкретного разработчика и поиск ответственного лица, порождая «разрыв подотчетности» и «разрыв ответственности» [8] и подчеркивая необходимость особых механизмов распределения риска.

Поставщик данных несет ответственность за корректность, полноту и законность предоставляемой информации; вред, вызванный недостоверными или неактуальными данными, может повлечь деликтную или договорную ответственность при установлении причинно-следственной связи.

Системный архитектор отвечает за корректную интеграцию и функционирование ИИ в информационной среде, соблюдение стандартов безопасности и совместимость с другими системами. Нарушения этих обязанностей могут повлечь деликтную или договорную ответственность за причиненный пользователям или третьим лицам вред.

Обладатель исключительных прав вправе предоставлять доступ к ИИ по лицензионному или иному договору, с условиями использования, запретом на противоправные действия и возможным ограничением ответственности правообладателя за неумышленные последствия. Согласно п. 6 Постановления Пленума от 24.03.2016 № 7 и нормам ГК РФ (ст. 308, 400, 401, 421, 1290), ограничение ответственности допустимо, если оно не противоречит закону или сущности обязательства и не распространяется на умышленные действия. Однако договорные ограничения не действуют в отношении третьих лиц (п. 3 ст. 308 ГК РФ), которые сохраняют право на возмещение вреда. Особое значение имеет защита потребителей: при предоставлении ИИ гражданам для личного использования применяются нормы о защите прав потребителей (п. 2 ст. 13) [5], исключающие ограничение ответственности и обеспе-

чивающие полное возмещение убытков, что ограничивает возможности отказа от ответственности в пользовательских соглашениях.

Исполнители работ или услуг, использующие ИИ, отвечают за вред, причиненный недостатками товара, работы или услуги, независимо от вины, если приобретение осуществлялось для личных, семейных или бытовых нужд (ст. 1095 ГК РФ). Освобождение от такой ответственности возможно лишь при доказанности обстоятельств непреодолимой силы либо нарушений правил эксплуатации или хранения со стороны потребителя.

Пользователь формулирует исходные запросы и управляет результатами работы ИИ, соответственно, на него возлагается ответственность за последствия использования системы, закрепленная в пользовательских соглашениях или лицензионных договорах. Умышленное нарушение правил или противоправное использование системы влечет ответственность пользователя, тогда как соблюдение правил правообладателя может исключать такую ответственность.

Наиболее радикальной является модель субъектности ИИ, предусматривающая фиктивное признание алгоритма самостоятельным субъектом права с персонифицированной ответственностью; данная конструкция пока носит гипотетический характер, но активно обсуждается в российских и зарубежных исследованиях как потенциальное средство устранения пробелов традиционных институтов.

Субъектом ответственности также может выступать владелец источника повышенной опасности. Согласно п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 [12], вред, причиненный жизни или здоровью граждан источником повышенной опасности, возмещается владельцем независимо от его вины. По мнению Е. А. Суханова, субъективным основанием безвиновной ответственности владельца источника повышенной опасности выступает категория риска, понимаемая как осознанный выбор лицом деятельности, связанной с эксплуатацией такого источника, при котором причинение вреда признается объективно возможным последствием, не исключаемым данным выбором и влекущим наступление негативных правовых последствий [3, с. 420].

Гражданско-правовая ответственность, в силу положений ст. 1079 ГК РФ, возлагается на законного владельца данного источника. Освобождение владельца источника повышенной опасности от ответственности возможно в случаях, когда вред вызван действием обстоятельств непреодолимой силы, а также умышленными действиями потерпевшего или его грубой неосторожностью, которая способствовала возникновению либо увеличению ущерба. При этом суд вправе снизить размер подлежащего возмещению вреда, исходя из имущественного положения причинителя, за исключением ситуаций, когда вред был причинен умышленно (п. 2 и 3 ст. 1083 ГК РФ). Вместе с тем законодатель предоставляет владельцу источника повышенной опасности право предъявить регрессное требование к лицу, по вине которого причинен вред. В частности, если дефект встроенной в механизм системы ИИ – конструктивный либо программный – стал причиной ущерба, владелец вправе обратиться с регрессным иском к изготовителю или поставщику. В доктрине обосновывается позиция, согласно которой гражданин-владелец источника повышенной опасности, невиновный в причинении вреда имуществу третьих лиц, подлежит освобождению от ответственности во всех случаях содействия такому вреду грубой неосторожностью потерпевшего [10].

Институт гражданско-правовой ответственности владельца источника повышенной опасности стимулирует соблюдение правил эксплуатации, контроль технического состояния и внедрение превентивных мер, включая системы с ИИ. Он одновременно обеспечивает защиту интересов пострадавших, создавая правовую определенность и прозрачное распределение обязанностей между владельцем, производителем и пользователем. Эффективность института зависит также от возможности реализации регрессных требований к другим участникам технологической цепочки, что не всегда гарантировано объективными обстоятельствами.

Вместе с тем категория «владение» применяется к таким объектам гражданских прав, как вещи. В случае ИИ «законным владельцем» выступает правообладатель – разработчик или заказчик системы, которые могут использовать ее сами или предоставлять доступ третьим

лицам. Владельцами могут быть также пользователи, получившие права пользования по лицензионным договорам. Множественность титульных владельцев характерна для сложной архитектуры ИИ, включающей разные объекты интеллектуальной собственности (интерфейсы, программное обеспечение, изобретения, ноу-хау и т. д.) и коллективный характер разработки. Дополнительно осложняет определение категории «владение системой ИИ» его интеграция в киберфизические системы, например такие как «умный дом» или «умный город».

Следует поддержать мнение, высказанное в отчете «Ответственность за ИИ и другие развивающиеся цифровые технологии», в котором сформулирован «принцип наибольшего контроля за функционированием ИИ» [7, с. 90]. Он означает, что ответственность возлагается на лицо, наибольшим образом контролирующее работу систем ИИ. Между тем, полагаем, что несмотря на то, что применение названного подхода в определенных случаях поможет установить владельца системы ИИ с целью возложения на него юридической ответственности, тем не менее в большинстве ситуаций причинения вреда установить факт наибольшего контроля над системой ИИ будет затруднительно. Представляется, что вопрос о субъектах ответственности может быть решен с использованием института солидарной ответственности группы лиц, обеспечивающих поддержку систем ИИ и лиц, их использующих.

Учитывая масштабы вреда в сферах, связанных с высоким риском причинения вреда системами ИИ, полагаем, что для стимулирования развития отрасли ИИ следует отказаться от принципа полного возмещения вреда, поскольку его применение может повлечь значительные имущественные потери для владельцев систем ИИ и, как следствие, негативно сказаться на развитии экономики ИИ. Считаем необходимым распространить на деятельность по созданию и использованию систем ИИ режима ограниченной ответственности в пределах реального ущерба, в соответствии со ст. 400 ГК РФ. Участвовать в возмещении вреда должно также и государство, подобно тому, как это предусмотрено в ст. 55 и 57 ФЗ от 21.11.1995 № 170 [16] в отношении лиц, которым радиационным воздействием причинены убытки и вред. Закон, помимо установления

ограниченной ответственности эксплуатирующей организации за причинение ядерного вреда, возлагает дополнительную обязанность по возмещению на государство, в целях возмещения такого вреда в полном объеме.

В качестве альтернативы индивидуальному распределению ответственности за использование ИИ рассматриваются коллективные модели, в которых ответственность трансформируется в распределенный риск. Среди них выделяются корпоративные компенсационные фонды в рамках саморегулируемых организаций (СРО) и обязательное страхование гражданской ответственности, аналогичное институту ОСАГО (ст. 931, 932 ГК РФ).

Формирование СРО разработчиков и операторов высокоавтономных и самообучающихся систем ИИ представляется перспективным механизмом обеспечения ответственности. Согласно ФЗ от 01.12.2007 № 315 [15], СРО разрабатывают обязательные стандарты профессиональной деятельности, контролируют качество и формируют компенсационные механизмы. В доктрине СРО рассматриваются как институт частного регулирования, совмещающий стандартизацию, сертификацию и коллективную ответственность. Примеры успешного применения известны в финансовой (ФЗ № 39-ФЗ), оценочной (ФЗ № 135-ФЗ), аудиторской (ФЗ № 307-ФЗ) и других сферах.

Создание СРО в сфере ИИ позволит закрепить стандарты безопасности алгоритмов: прозрачность моделей, корректность данных, тестирование и верификацию. Члены СРО будут обязаны проходить сертификацию и согласовывать внедрение новых систем с органами контроля. Нарушение стандартов повлечет усиленную гражданско-правовую ответственность. Размер взносов может дифференцироваться в зависимости от уровня автономности и предсказуемости алгоритмов. Сочетание СРО с обязательным страхованием гражданской ответственности (п/п 13.2 п. 5 ст. 10 ФЗ № 258-ФЗ [18]) обеспечивает защиту потерпевших, но масштабы возможного ущерба ограничивают страховые возможности, поэтому оптимальной видится комбинация страхования и компенсационного фонда. Исключение права регресса страховщика к владельцу автономной системы и коллективное распределение рисков создают сбалансированную модель,

стимулирующую ответственное внедрение технологий.

Таким образом, регулирование гражданско-правовой ответственности за использование систем ИИ требует комплексного подхода, учитывающего техническую сложность, автономность и вероятностный характер функционирования ИИ. Поскольку системы ИИ не обладают правосубъектностью, ответственность возлагается на разработчиков, операторов и владельцев источников повышенной опасности с применением как индивидуальных, так и коллективных моделей распределения рисков. Наиболее перспективными представляются дифференцированные режимы ответственности, учитывающие уровень риска, сферу применения и степень контроля, а также использование институтов СРО и обязательного страхования для обеспечения защиты пострадавших и стимулирования безопасного развития отрасли. Такой подход позволяет сбалансировать интересы участников гражданского оборота, публичные интересы и экономические стимулы для внедрения и развития технологий ИИ.

Список использованных источников

1. *Архипов В. В., Наумов Б. В., Смирнова К. М.* Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник СПб ГУ. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 882–906.
2. ГОСТ Р 59277-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. М.: Стандартинформ, 2021. URL: <http://gost.gtsever.ru/Data/754/75406.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).
3. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Том 2, полутом 2 / отв. ред. Е. А. Суханов.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2000. 785 с.
4. *Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов.* М.: М-Логос, 2017. (В. В. Байбак. Комментарий ст. 401 ГК РФ). 1120 с.
5. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 07.04.1992.
6. *Ижаев О. А., Кутейников Д. Л.* Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // *Lex Russica.* 2024. Т. 77. № 6. С. 23–34. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
7. *Кутейников Д. П., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А.* Искусственный интеллект и право: от фундаментальных

проблем к прикладным задачам: монография. Москва: Проспект, 2022. 104 с.

8. Мельникова Е. Н. Проблема «разрыва ответственности» за вред, причиненный использованием систем и приложений искусственного интеллекта // Российский юридический журнал. 2024. № 4. С. 80–92.

9. Никитенко С. В. Концепции деликтной ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 156–174.

10. Павлухин А. Н., Михайлова И. А. К вопросу об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, в гражданском праве: продолжение дискуссии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4 (30). С. 44–49.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 04.04.2016. № 70.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного суда РФ. № 3. Март 2010.

13. Селиванова Е. С., Дмитриева О. В. Трансформация имущественных отношений и деликтной ответственности в условиях цифровизации общества и применения искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (59). С. 80–92.

14. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

15. Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2007. № 49. Ст. 6076.

16. Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.11.1995. № 48. Ст. 4552.

17. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специальных регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 27.04.2020. № 17. Ст. 2701.

18. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской

Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.08.2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

19. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта. 3-е издание, обновленное и дополненное. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2025. 321 с.

20. Behrang Raji. The liability regime for AI systems. 31.12.2022. URL: <https://dpoblog.eu/the-liability-regime-for-ai-systems?utm> (дата обращения: 15.09.2025).

21. Haden C. The Consequences of the AI Act and Proposed AI Liability Directive on Medical Negligence. Will Physicians Fall Victim to ‘Red Tape’ Rules? URL: <https://www.scup.com/doi/10.18261/olr.11.1.4?utm> (дата обращения: 15.09.2025).

References

1. Arkhipov V. V., Naumov B. V., Smirnova K. M. Limits of Legally Significant Decision-making Using Artificial Intelligence. *Bulletin of St. Petersburg State University. Law*. 2021. Vol. 12. Issue 4. P. 882–906 [in Russ.].

2. GOST R 59277-2020. National Standard of the Russian Federation. Artificial Intelligence Systems. Classification of Artificial Intelligence Systems. Moscow: Standartinform, 2021. Available at: <http://gost.gtsever.ru/Data/754/75406.pdf> (date of access: 15.09.2025) [in Russ.].

3. Civil Law: Textbook: in 2 volumes. Volume 2, half-volume 2. Ed. by E. A. Sukhanov. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: BEK, 2000. 785 p. [in Russ.].

4. Contractual and Obligatory Law (General Part): Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic publication. Version 1.0]. Ed. by A. G. Karapetyan. Moscow: M-Logos, 2017. (V. V. Baibak. Commentary on Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation). 1120 p. [in Russ.].

5. Law of the Russian Federation of February 7, 1992, No. 2300-I «On the Protection of Consumer Rights». *Rossiyskaya Gazeta*. April 7, 1992 [in Russ.].

6. Izhaev O. A., Kuteynikov D. L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Oriented Approach. *Lex Russica*. 2024. Vol. 77. No. 6. P. 23–34. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034 [in Russ.].

7. Kuteynikov D. P., Izhaev O. A., Zenin S. S., Lebedev V. A. Artificial Intelligence and Law: From Fundamental Problems to Applied Tasks: Monograph. Moscow: Prospect, 2022. 104 p. [in Russ.].

8. Melnikova E. N. The Problem of the “Liability Gap” for Harm Caused by the Use of Artificial Intelligence Systems and Applications. *Russian Law Journal*. 2024. No. 4. P. 80–92 [in Russ.].

9. Nikitenko S. V. Concepts of Tort Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Systems. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2023. No. 1. P. 156–174 [in Russ.].

10. Pavlukhin A. N., Mikhailova I. A. On Liability for Harm Caused by a Source of Increased Danger in Civil Law: Continuation of the Discussion. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2021. No. 4 (30). P. 44–49 [in Russ.].

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016, No. 7 “On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Breach of Obligations”. *Rossiyskaya Gazeta*. April 4, 2016. No. 70 [in Russ.].

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010, No. 1 “On the Application by Courts of Civil Legislation Governing Relations under Obligations Resulting from Harm to the Life or Health of a Citizen”. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 3. March 2010 [in Russ.].

13. *Selivanova E. S., Dmitrieva O. V.* Transformation of Property Relations and Tort Liability in the Context of Digitalization of Society and the Application of Artificial Intelligence. *VSU Bulletin. Series: Law*. 2024. No. 4 (59). P. 80–92 [in Russ.].

14. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. October 14, 2019. No. 41. Art. 5700 [in Russ.].

15. Federal Law of December 1, 2007 No. 315-FZ “On Self-Regulatory Organizations”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. December 3, 2007. No. 49. Art. 6076 [in Russ.].

16. Federal Law of 21.11.1995 No. 170-FZ “On the Use of Atomic Energy”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 27.11.1995. No. 48. Art. 4552 [in Russ.].

17. Federal Law of 24 April 2020 No. 123-FZ “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation – the Federal City of Moscow, on the Specifics of Processing Personal Data When Forming Regional Data Sets and Providing Access to Regional Data Sets and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. 27.04.2020. No. 17. Art. 2701 [in Russ.].

18. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ “On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation”. *Collected Legislation of the Russian Federation*. August 3, 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017 [in Russ.].

19. *Filipova I. A.* Legal Regulation of Artificial Intelligence. 3rd edition, updated and supplemented. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University, 2025. 321 p. [in Russ.].

20. *Behrang Raji.* The Liability Regime for AI Systems. December 31, 2022. Available at: <https://dpoblog.eu/the-liability-regime-for-ai-systems?utm> (date of access: 15.09.2025).

21. *Haden C.* The Consequences of the AI Act and Proposed AI Liability Directive on Medical Negligence. Will Physicians Fall Victim to ‘Red Tape’ Rules? Available at: <https://www.scup.com/doi/10.18261/olr.11.1.4?utm> (date of access: 15.09.2025).

Поступила в редакцию 21.09.2025
Received September 21, 2025